

ISSN0208-3140

СПУТНИК
КИНО
ЗРИТЕЛЬ

СОЮЗИНФОРМКИНО

8/90

Фильмы представляет
кинокритик
Алексей ЕРОХИН

КАК БЫ РЕЗВЯСЯ И ИГРАЯ

Хороший есть анекдотик про то, как выгуливаются во дворе псы и дерут носы друг перед другом.

— Я, — важно говорит один, — дог!

— А я, — чванится другой, — сен-бер-нар!

— А я, — гордится третий, — скотч-блю-терьер!

И тут еще один мимо бежит — дворняжка дворняжкой.

— А ты-то кто? — высокомерно у него спрашивают.

— А я, — говорит, — братцы, просто так, по нужде вышел.

Мне этот беспородный пес ужасно симпатичен, поскольку честен, не прикидывается, — все ведь вышли во двор за одним и тем же.

И я радостно скалюсь и одобрительно вываливаю из пасти язык, заведя на родных задворках коллег — всяческих ньюфаундлендов от кинокритики и болонки от киноведения. И довольно машу хвостом.

Все мы делаем одно дело.

Правда, каждый по-своему.

Не бульдожья хватка, не пекинесское мелкое обтягиванье, не строгий волкодавский лай — а так, беззаботная дворняжечья брехня, не исключаящая, однако, и тоскливого воя на ущербную луну.

Можно и так.

Критик — друг человека.

Он бежит впереди зрителя, придиричливо обнюхивает киноместность и подает соответствующий голос.

Служба такая.

„Служить бы рад...“ — говорил один наш общий знакомый. Хороший был пес, гордый. Только уж очень всерьез все воспринимал. И совсем извелся, и в посольство за визой побежал.

Э, если так пристально ко всему относиться, то наши конуры изрядно опустеют.

Я бы приравнял не перо к штыку, а чувство юмора к чувству долга.

И пытаюсь смотреть вокруг не с металлически серьезной угрюмостью автомата системы Калашникова, а — как бы резвяся и играя.

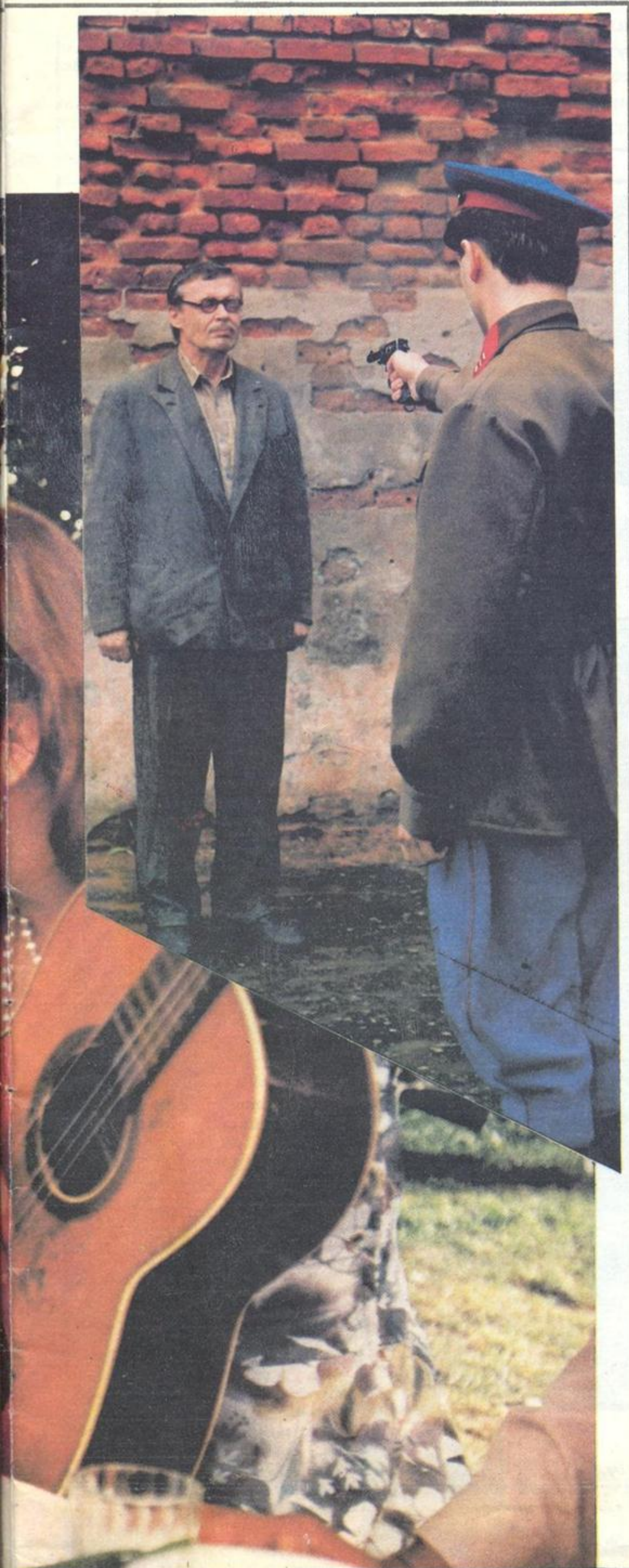
Как бы.

Хотя выть хочется все чаще и чаще.

Не пора ли нам уже сейчас остановиться,
оглянуться и отсюда, из другой жизни, предыдущую перечесть?
Это вовремя поняли авторы фильма „Свой крест“, поставленного по повести
Юрия Трифонова „Другая жизнь“.

КИНОСТУДИЯ „ГЛОБУС“ ГТПО „МОСФИЛЬМ“,
КИНОСТУДИЯ ИМ. М. ГОРЬКОГО, цветной
По повести Юрия Трифонова „Другая жизнь“
Авторы сценария — Владимир Железников, Валерий Лонской,
Ольга Трифонова
Режиссер — Валерий Лонской
Оператор — Юрий Невский
В ролях: Елена Яковлева, Виктор Раков, Игорь Бочкин,
Мария Пастухова, Анна Баженова

ДРУГАЯ ЖИЗНЬ

Поспешно, приблизительно обозвали эти годы годами застоя, наклеив небрежный, неточный ярлык на целую эпоху, — словно наскоро отмахнулись на ходу, едва забрезжило иное время, иная жизнь.

„И вдруг сверкнет, как догадка, как слабая заря за стволами, — другая жизнь...”

Историки потом спохватятся, примутся раскапывать пепелища, обнаруживая на человеческих стойбищах 70-х годов двадцатого века следы торопливого бегства, такого радостного поначалу — еще бы: ведь не спились, не скурвились, не умерли — дожили.

Почему мы не можем покинуть эпоху, не расплевавшись с нею на ходу?

Но, на счастье потомков, сидел за письменным столом флегматичный грузноватый человек, водил перышком упорно и терпеливо — и остались его книги, по которым потом нашу жизнь минувшую поймут.

Да что — потом... Не пора ли нам уже сейчас остановиться, оглянуться и отсюда, из другой жизни, предыдущую перечесть?

Это вовремя поняли авторы фильма „Свой крест”, поставленного по повести Юрия Трифонова „Другая жизнь”.

Очень нужно это теперь, потому что... Впрочем, герой повести и фильма историк Сергей Троицкий уже объяснил:

— Потому что нити, которые тянутся из прошлого... — ты понимаешь? — они чреваты... Они весьма чреваты... Ты понимаешь?

И еще:

— Если раскапывать все более вглубь и назад, то можно попытаться отыскать нить, уходящую вперед...

Сегодня, в 1990-м, нам, буксующим на непонятном пути, отыскать бы эту нить. Нервно, требовательно заскакивали в 30-е, в 20-е — а может, нужно поискать поближе, нащупать нить, проходящую сквозь поколения в соседних десятилетиях, пережитых, но — понятых ли?

Когда в дурном сне видится Ольге, вдове Сергея, как поло-

умная женщина, проведя их сквозь чашу, уверенно показывает: вот шоссе, вот автобус, — а перед ними лишь глухое лесное болотце, — нет более точной метафоры наших видов на будущее, на путь в тогдашних, семидесятых годах.

Мы пережили это? Но сегодня, сейчас — вполне ли нормальна наша проводница (имя ей не Судьба ли?), и, неровен час, шагнем на указанное шоссе — и ухнем по горло в трясину.

Лучше всего, если, посмотрев фильм „Свой крест”, вы перечитаете или же впервые прочтете повесть Трифонова. Да, картина сделана с бережным отношением к прозе мастера — если не считать сугубо киношного нагнетания ужастей, когда от трупа аккуратно отделяется голова; если не считать сюрного балаганчика, в котором прыгают ярмарочными полишинелями Николай II, Ленин и Сталин (ох, как надоело), причем император, бедолага, с простреленным прямо-таки лбом. Я, поймите, не кощунствую — просто им делать тут явно нечего, потому что жизнь и смерть Сергея Троицкого здесь важнее этих исторических манекенов (так они в фильме воспринимаются). Поняв его, и себя пойдем чуть лучше.

Пойдем цену своей самоуверенности, будто перешагнули мы в иное время.

Пойдем, что ход времени и ход вещей — понятия не синхронные.

И, может быть, сверкнет, как догадка, как слабая заря за стволами, — другая жизнь...

Искусство бессмертно, но бессмертна и пошлость,
— и, сдаётся мне, они друг без друга попросту не могут существовать,
то есть пошлость и без искусства, разумеется, замечательно обойдётся,
а искусство без пошлости никак, что и демонстрирует фильм
как в идеальном, философском смысле, так и в сугубо прямом.

БРОДЯЧИЙ АВТОБУС

„ЛЕНФИЛЬМ”, цветной
Автор сценария — Людмила Разумовская (по либретто И. Хейфица)
Режиссер — Иосиф Хейфиц
Оператор — Юрий Шайгарданов
В ролях: Лев Борисов, Михаил Жигалов, Афанасий Тришкин,
Сергей Царин, Надежда Еремина

ПОШЛОСТЬ БЕССМЕРТНА

Иногда я думаю: почему люди не летают? Вот если бы у людей были бы крылья, как у птиц...

...То они подняли бы дикий гвалт и загадили бы всю округу, что они успешно делают и без помощи левитации, — закончу я на свой лад мысль классической героини.

Поддернув подол, хрупкая Мельпомена влачится по разбитым российским проселкам, с трудом вытягивая нежные ножки из грязи, — то есть это на ладан дышащий автобус с театральной труппой колесит по ним, дабы снискать хлеб насущный, то бишь дать запланированный спектакль в сельском клубе. Актерская братия, как ей положено на роду, бранится, пьет, философствует, цитирует классические роли, интригует и клянет судьбу. А народишко — за окошками автобуса и в зале потом — аховый, тоже пьет, тоже бранится, тоже судьбу клянет, разве только без лицедейской придурки, — да так оно всегда и было повсеместно: катил раздрызганный шарабан по европейским, в те поры тоже разбитым, дорогам, тупо разыгрывали комедианты в очередном селении очередную туфту, а люди гоготали и посвистывали в зале, лапая соседок и ковыряя в носу, а у актеров были свои страсти, свои проблемы, и кого-то хотели выгнать взашей на пороге старости, а у кого-то от кого-то был ребенок, — а милая Мельпомена все так же полеживала на своем облачке, с печальной усмешкой думая: „Ох, мне бы их заботы”... Искусство бессмертно, но бессмертна и пошлость, — и сдаётся мне, они друг без друга попросту не могут существовать, то есть, разумеется, пошлость и без искусства замечательно обойдётся, а искусство без пошлости никак, что и демонстрирует фильм „Бродячий автобус” — как в идеальном, философском смысле, так и в сугубо прямом.

Видите ли, когда появляется на экране наивная такая девочка и говорит: „Я без театра умру”, а потом взгромождается на шкаф и начинает украдкой, непременно украдкой, читать монолог Джульетты...

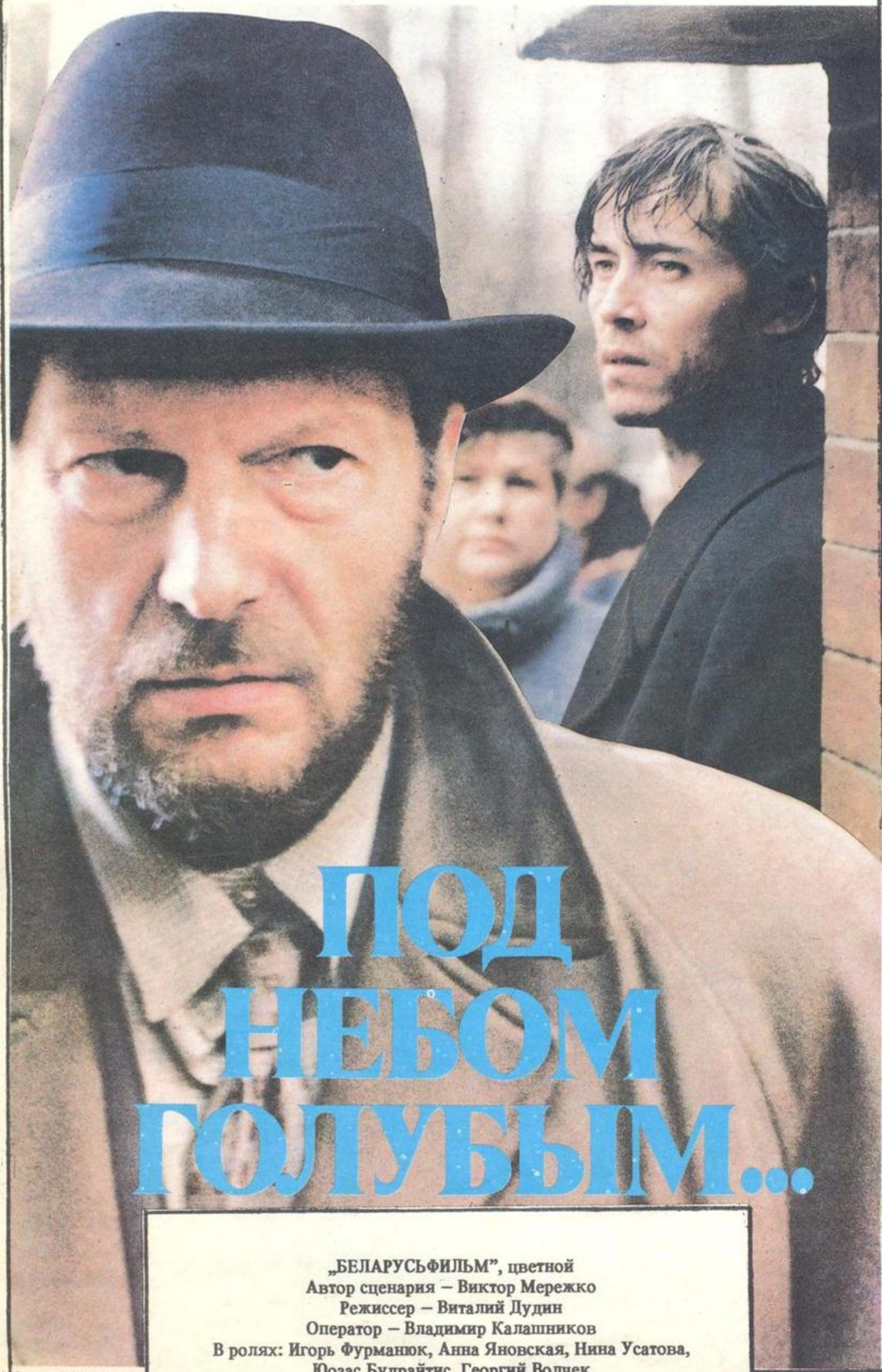
Видите ли, когда старая театральная моль Иван Иванович, такая седенькая добродетель с флейтой, оказавшись ненароком в народе, роняет мимолетний свет в душу тупого сельского мордоворота, научив его шекспировской фразе, а потом умирает — догадайтесь, где? — конечно же, на сцене...

...То я не давнюю свою рогатку вспоминаю, не армейский свой пулемет, нет-нет, — я вспоминаю Станиславского.

Хорошо говорил старик: „Не верю”.

Вот и я в данном случае — ну просто вылитый Станиславский.

Та ли, другая ли вера – упование на мертвецов,
так что красный уголок в принципе не отличается от храма.
Нам бы молиться на живых. Но уж больно они нехороши,
вот, хотя бы по фильму „Под небом голубым...”. Партийцы порождают наркоманов,
вера в один призрак порождает веру в другой, и у смерти праздник...

ПОД НЕБОМ ГОЛУБЫМ...

„БЕЛАРУСЬФИЛЬМ”, цветной
Автор сценария – Виктор Мережко
Режиссер – Виталий Дудин
Оператор – Владимир Калашников
В ролях: Игорь Фурманюк, Анна Яновская, Нина Усатова,
Юозас Будрайтис, Георгий Волчек

БЕЗ МОРКОВКИ

Вера есть преклонение перед недосыгаемым.

Что Бог, что коммунизм – суть одна: светит, да не греет.

Так подвешивают перед мордой ослика морковку – а он, наивный, бежит, бежит за ней, тащит тележку, пока не сдохнет.

А вот теперь морковку из поля зрения убрали – и топчется бедное животное в страшном недоумении.

Наш крестовый поход к коммунизму, в который мы зазывали весь мир, окончен.

А прабабкина икона сгодится при погромах – это у Кассиля, кажется, описано, как выставляли их на окно, чтобы уберечься от черносотенцев.

Что бумажка с переписанной молитвой, что лозунг над митингом – апелляция к высшей силе, в распоряжении которой только смерть.

Та ли, другая ли вера – упование на мертвецов.

Так что красный уголок в принципе не отличается от храма.

Нам бы молиться на живых. Но уж больно они нехороши. Вот, хотя бы по фильму „Под небом голубым...”.

Папаши-начальники: один, уже сошедший с номенклатурного круга, опустившийся, запущенный, забитый сыном-наркоманом, и другой, еще в полной силе, выгнавший падшую дочь, как шелудивого кутенка, из дома, охраняемого всевозможными органами.

Детки-наркоманы, превратившие свою жизнь в тяжкую галлюцинацию, в исступленную погоню за новой дозой отравы, за призраком „города золотого”, за призраком, который лжив и мстителен, как и все его собратья, в том числе и тот, что бродил во время оно по Европе, да загостился у нас.

Это – всеобщий курс на самоуничтожение, – и вельможный папаша в высоком терему может считать себя трупом в тот момент, когда его неприкаянная, отчаявшаяся дочь бросается под струю смертельного кипятка. Как говорили в старину: ваш род проклят.

И посреди этого действующего кладбища, помеси психушки и морга, бегают, суетятся, переживает хорошая женщина Нина Петровна Костырина, бухгалтер. У нее на кухне тепло, чай, банки с вареньем. Кругом партийцы порожают наркоманов, вера в один призрак порождает веру в другой, и у смерти праздник, – а она, нелепая толстая тетка, кого-то все-таки пытается спасти, досадливо приговаривая: „Вот, ... твою мать, дожили...”

Вот только на нее надежда и осталась. Тоже иллюзия, конечно, и иллюзия предельно скромная – но других у нас уже не осталось.

Хоть и есть у нас Прощеное воскресенье — но все ли простишь? Есть такое, чего прощать нельзя никогда?

Твоя любимая обещана — и вот, спустя годы, ее обидчики стоят под прицелом твоего меткого ружья, одинокий охотник. Ты им судья.

Трижды нажать на спуск и...

Так что же ты не стреляешь? Так что же ты медлишь, одинокий охотник?

Я вспоминаю фильм „Авария” — дочь мента”. Тоже — обещанная девочка. Тоже — трое подонков. И — ее отец, вершащий свой суд: автомобильный таран — и пылающая машина под откосом.

Я вспоминаю мелькнувшее чувство удовлетворения: так с ними и надо.

Так что же ты медлишь?

Так что же ты?

Люди поймут тебя — из века в век они мстят друг другу.

Из века в век — и конца этому не видно.

Для начала хоть кому-то нужно опустить ружье.

Ты опустил ружье.

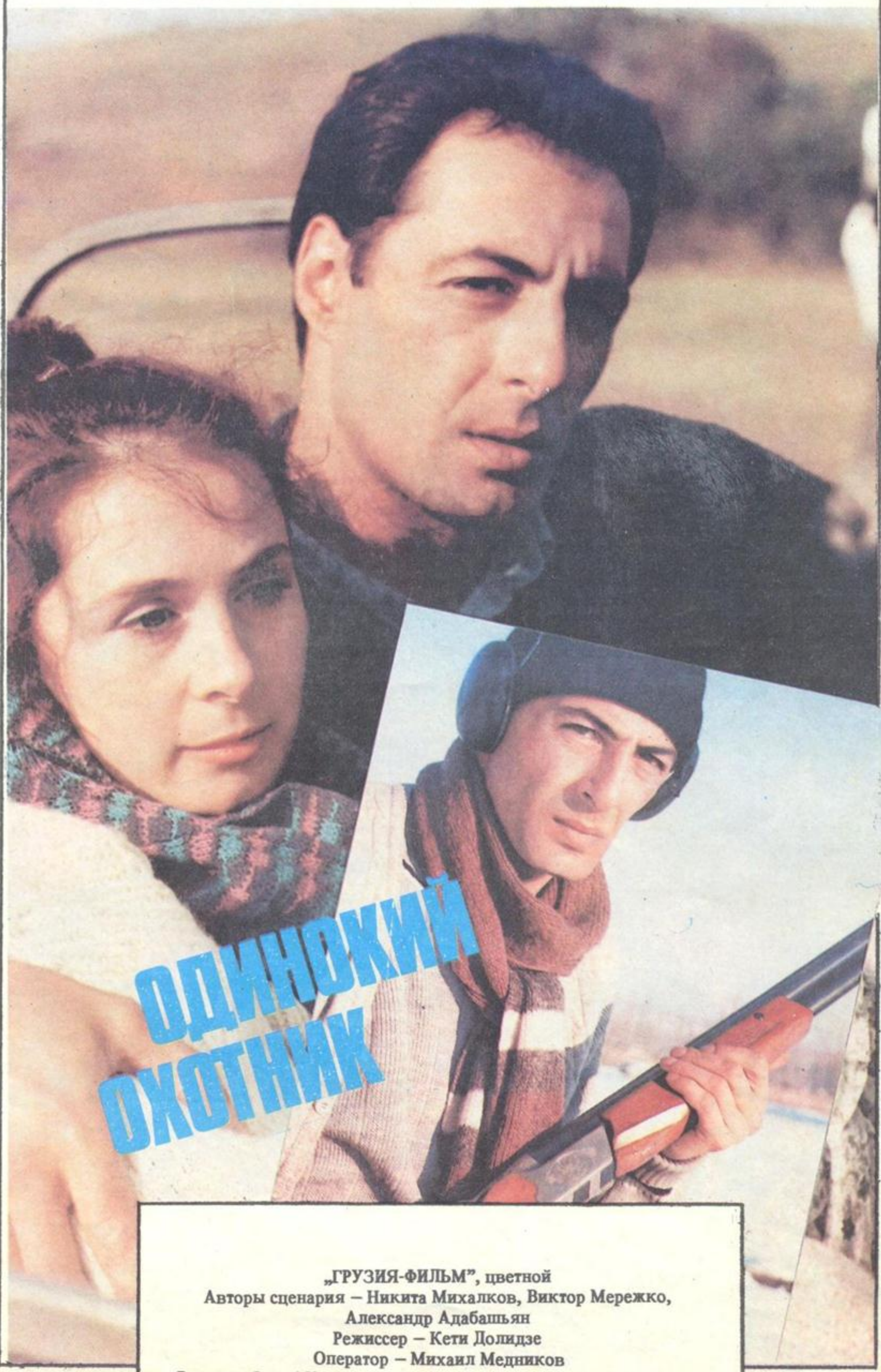
Ты не простил их — и оставил тяжкий грех на их совести. Может быть, они будут маяться им всю жизнь, а может, завтра воткнут тебе подлый нож в спину.

Но ты опустил ружье.

Ты — судья.

Но не палач.

Твоя любимая обещана — и вот, спустя годы, ее обидчики стоят под прицелом твоего меткого ружья, одинокий охотник. Ты им судья. Что же ты медлишь?

ОДИНОКИЙ ОХОТНИК

„ГРУЗИЯ-ФИЛЬМ”, цветной
Авторы сценария — Никита Михалков, Виктор Мережко,
Александр Адабашьян
Режиссер — Кети Долидзе
Оператор — Михаил Медников
В ролях: Зураб Кипшидзе, Нинели Чанкветадзе, Кахи Кавсадзе,
Марина Джанашия, Заза Микашавидзе

ПОЛУЧАЙ, ФАШИСТ, ГРАНАТУ

С детства я усвоил, что фашистский летчик — непременно ас. Это уже просто-таки идиоматическое выражение: „фашистский ас“. А на борту у этого аса непременно намалевана какая-нибудь устрашающая пакость вроде дракона, грифона или еще какой-нибудь inferнальной сколопендры геральдического пошиба.

И когда в „Охоте на единорога“ я увидел своего старого знакомого (с единорогом, соответственно, на борту), то чуть ли не обрадовался: жив, курилка. Ему теперь даже кое-что человеческое стало не чуждо, персонафицированное в помятых часиках, принадлежавших его погибшему другу — фашистскому же асу же. Но ты, гад, нас все равно не разжалобишь — и наш советский паренек, пленный летчик, вынужденный играть роль живой мишени, тебя все равно уроет.

Так оно, разумеется, и случилось. Юный сержант Сережа урыл аса, раскурочил напрочь асовский аэродром и рванул к своим, повинувшись голосу старшего товарища — „Я тебе приказываю жить“. (О, какая родная до боли фраза: нам тоже всю дорогу жить приказывают, и мы повинемся, имея про запас возможность приказать себе долго жить.)

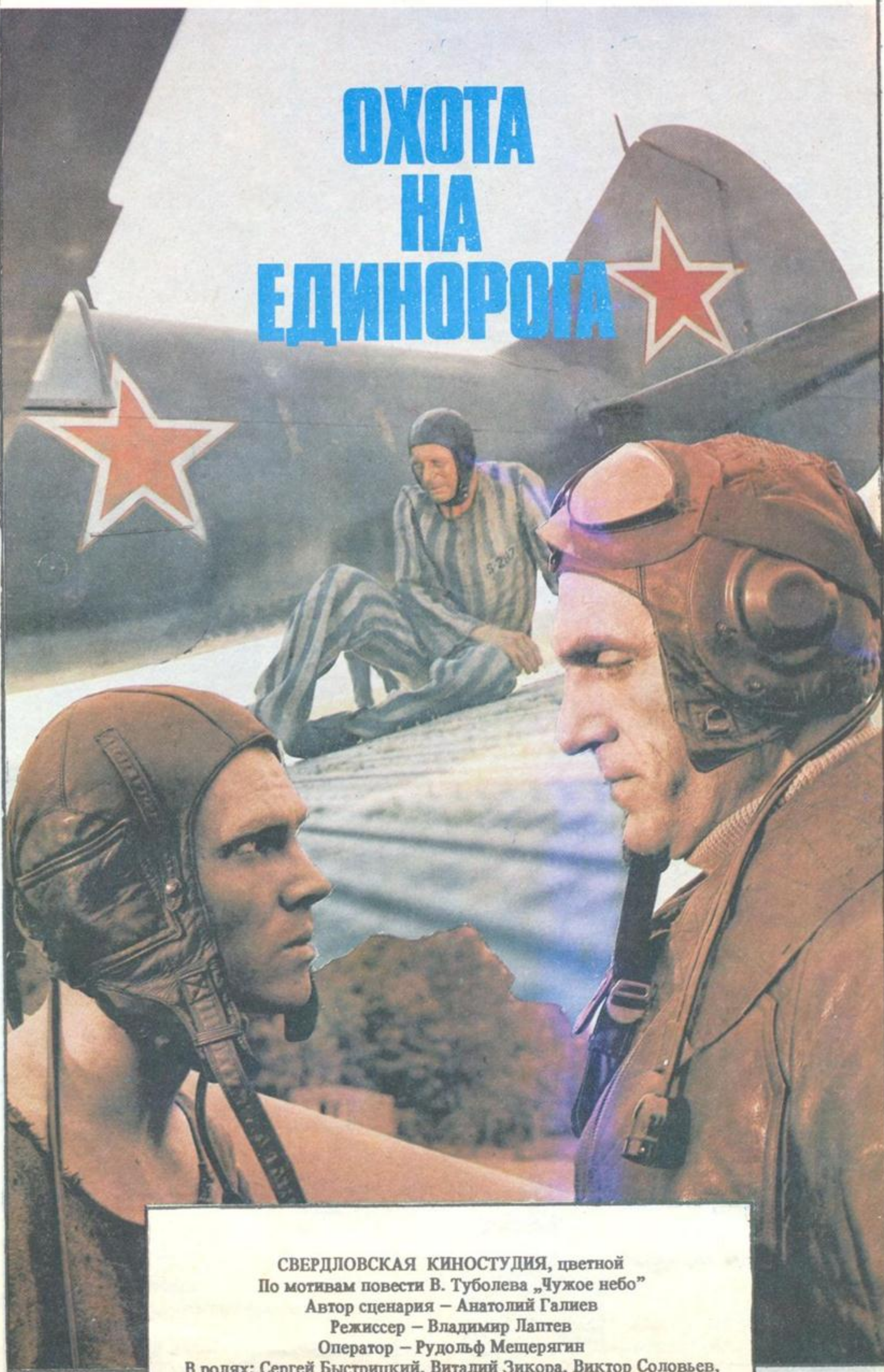
Но если бы прежде по эту сторону линии фронта героя заключили бы в объятия и навесили бы орден — то теперь ему навешали тумачков и заключили в лагерь.

Есть и другие новации — теперь нашему воину дозволено помолиться: „Господи, если ты есть, — спаси нас“. Пока, правда, только пленному такая привилегия — но не исключено, что в будущих военных фильмах в наших окопах и блиндажах будут устраиваться уже хоровые молебны, а в атаку ходить станут, несколько удлинив традиционный клич: „За Родину, за Сталина, за Святую Троицу!“. Подлиннее станет и другая боевая речевка: „Получай, фашист, гранату, во имя Господа нашего Иисуса Христа!“. Чеканили же фрицы на пряхках „Готт мит унс“ — а мы чем хуже, а?

А вообще нормальное такое кино, патриотическое. Рассчитанное, вероятно, на детскую аудиторию. У нас ведь так мало сейчас детских фильмов — вот и восполняем пробел, — а там, глядишь, опять какой-нибудь ограниченный контингент понадобится и снова жить прикажут... Так что все в жилу. С чем и поздравляю.

Юный сержант Сережа урыл фашистского летчика-аса, раскурочил напрочь асовский аэродром и рванул к своим. Но если бы прежде по эту сторону линии фронта героя заключили бы в объятия и навесили бы орден — то теперь ему навешали тумачков и заключили в лагерь.

ОХОТА НА ЕДИНОРОГА

СВЕРДЛОВСКАЯ КИНОСТУДИЯ, цветной
По мотивам повести В. Туболева „Чужое небо“
Автор сценария — Анатолий Галиев
Режиссер — Владимир Лаптев
Оператор — Рудольф Мещерягин
В ролях: Сергей Быстрицкий, Виталий Зикора, Виктор Соловьев,
Владимир Завьялов, Юрий Лазарев

...А может, мне померещилось? Но, ей-богу, мелькнула в одном из кадров грязная дорожная акватория, вызывающая воспоминания о контурах этой много-страдальной страны.

Так-то история вроде локальная: послевоенный Сучан, шахтерская слободка, граничащая с непионерским лагерем, бедность, скудость, ватнично-барачное бытие, протекающее в пределах одного выморочного сезона, когда ни снега, ни зелени, а только серая земля, по которой ходят грязные люди.

Чуть иронии — марширует школа, скандируя под сиплый горн: „Ки-пучая, мо-гучая, никем не по-бе-димая!” — и вдруг директор на вопль срывается: „Кто сказал — вонючая?!” А тут, будто в подтверждение этой тупой шуточки, кто-то бросил карбид в выгребную яму школьного сортира — и поперло наружу материализованное воплощение прозвучавшего бонмо.

Или: после драки в клубе, с трудом, корячась встают с пола двое одноногих, помогая друг другу, а со стены плакат плятятся: „Товарищ Сталин — великий знаменосец мира”.

Чуток нагнетания страстей: сумасшедший еврей, замешивающий муку в уличной грязи. Или: сумасшедшая же татарка, голяком пляшущая верхом на метле в драматическом финале.

Нехитрый сюжет про мальчика Валерку и девочку Галию, их ссоры и дружбу, невеселые похождения.

А в общем — нечто вроде физиологического очерка, который по российской традиции тяготеет к бытописанию жителя-жителя униженных и оскорбленных.

А в общем — взгляд на лужу, сидя по горлышко в ней.

Помните баечку, которую рассказывает герой „Ностальгии”: мужика вытаскивают из лужи, а он не доволен — „Живу я здесь!”

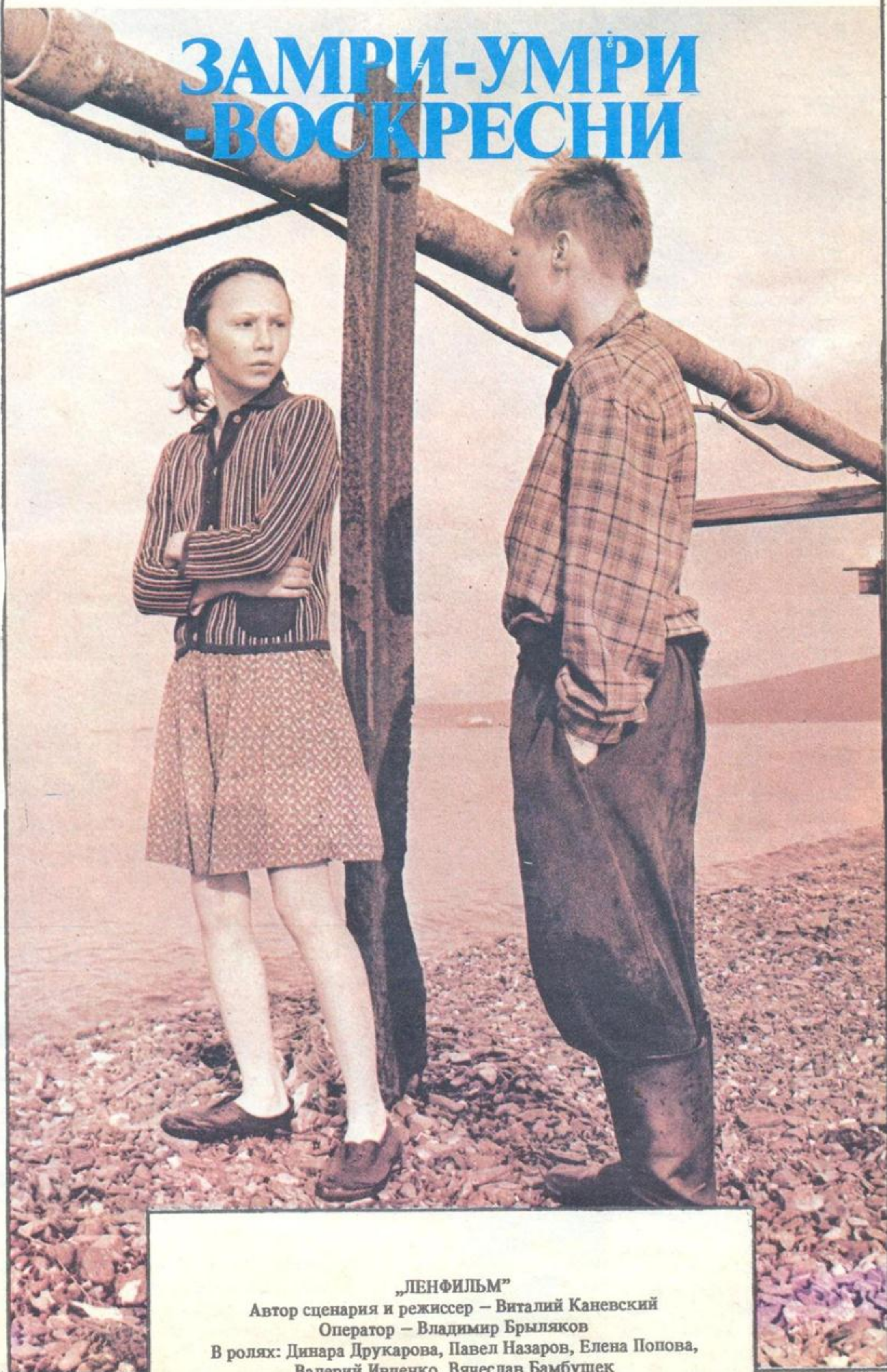
„Замри — умри — воскресни” — это в детской игре хорошо получается. А у нас с воскрешением никак не ладится.

Пойдете ли вы на этот фильм? Ой, сомневаюсь. „Нет уж, — скажете, — у нас этого всего кругом и так полно”.

Дело ваше. А я бы все-таки кино предпочел. И знаете почему? Оно не имеет запаха.

Нехитрый сюжет про мальчика Валерку и девочку Галию, их ссоры и дружбу, невеселые похождения. А в общем — нечто вроде физиологического очерка, который по российской традиции тяготеет к бытописанию жителя-жителя униженных и оскорбленных. А в общем — взгляд на лужу, сидя по горлышко в ней.

ЗАМРИ-УМРИ -ВОСКРЕСНИ

„ЛЕНФИЛЬМ”

Автор сценария и режиссер — Виталий Каневский

Оператор — Владимир Брыляков

В ролях: Динара Друкарова, Павел Назаров, Елена Попова, Валерий Ивченко, Вячеслав Бамбушек

НАДО БЫЛО САМОЛЕТОМ ЛЕТЕТЬ

Хочу быть зэком.

Потому что зэки хорошие и их женщины любят.

Потому что они только внешне такие ханьги и душегубы, а души у них нежные, как у агнецов, а половой аппарат робкий, как у Пьеро.

Они застенчивы, как сны колибри.

Хочу быть беглым зэком, затравленным, небритым и вонючим, стоять посреди пустыни и спрашивать у белокурой женщины с приятной полнотинкой, выпирающей из-под шорт:

— Почему ты не боишься?

А она мне нежно так ответит, так понимающе и проникновенно:

— Может быть, потому, что ты так стесняешься?..

Впрочем, это уже не моя розовая мечта, а пересказ фильма „Бархан” (насчет полового аппарата — тоже).

Не хочу быть благополучным и преуспевающим мужем, отцом, владельцем „Волги”, отдающим околноменклатурным душком.

Потому что от такого жена на глазах уходит в пески с первым встречным, а второй встречный заявляет: „Если бы ты был райкомовцем, я бы тебя на месте удавил”. И добавляет: „Ненавижу вас, суки! Начальников!”

Откуда такое обостренное чувство социальной справедливости? Так ведь опять же — зэк.

Ну, убьешь этого зэка. А жена будет волком смотреть, томно припоминая свою женскую милость по отношению к падшему, — и ты же еще виноват окажешься.

Конечно, виноват — говорила же жена: „Нужно самолетом лететь”, а ты отправился к новому месту службы на машине, вот и произошла посреди пустыни встреча с беглыми уголовниками. А те мало того, что жену отваживают и заточенной отверткой в морду тычут, так еще и на некое нравственное превосходство претендуют: „Я за то и гибну, что никогда никого не обманывал”. Самолетом надо было, а ты не послушался — так вот кушай теперь.

Фильм „Бархан” — занятный психологический экзерсис, о перипетиях которого нужно вести отдельный разговор, но мне кажется важным обратить внимание на парадокс милосердия, оборачивающегося здесь, как мне кажется, неким пароксизмом.

„Есть, которые нас не боятся, — радуется нежный зэк, — значит, могут нас любить!”

Какая душка!

А я вот — боюсь. И не люблю. И даже больше того — ненавижу.

Говорила же жена: „Нужно самолетом лететь”, а ты отправился к новому месту службы на машине, вот и произошла посреди пустыни встреча с беглыми уголовниками. А те мало того, что жену отваживают и заточенной отверткой в морду тычут, так еще и на некое нравственное превосходство претендуют.

„УЗБЕКФИЛЬМ”, цветной
Автор сценария — Владимир Соколов
Режиссер — Санжар Бабаев
Оператор — Тимур Каюмов
В ролях: Марина Старых, Валерий Рыжаков, Борис Токарев,
Владимир Трещалов

Течение этой жизни неспешное, выморочное, и, как говорится, все в прошлом, да тут и в прошлом не было ничего, кроме крохотных надежд-однодневок, от которых только давняя пыльца с крылышек, только жалкий прах остался в углах комнат, в уголках душ, дунь — и нету, так ведь и дунуть-то нет ни сил, ни желания.

СКУЧНАЯ ИСТОРИЯ

„Барышни из Вилько” — большой подарок поклонникам таланта режиссера Анджея Вайды, которых у нас немало, и писателя Ярослава Ивашкевича, которых никогда не встречал, но они тоже, наверное, есть.

„Барышни из Вилько” — скучная история, прежде всего в чеховском смысле, но и буквально, честно говоря, тоже.

Барышни из Вилько и заповздалый — на пятнадцать лет — их гость Виктор скучны и тусклы, как бывают скучны и тусклы барышни из Болшева, Выксы, Урюпинска и Чугуева.

„Барышень из Вилько” потому лучше смотреть не натошак, в хорошем самочувствии с долей самоуверенности, хотя бы и напускной. А то совсем грустно станет.

Барышень из Вилько время не щадит, как не щадит оно большинство смертных, как не щадит оно всех дюжинных людей, да оно и к лучшему — будем знать свое место.

„Барышни из Вилько” позволяют и чуток вздремнуть по ходу фильма, потому что течение этой жизни неспешное, выморочное, и, как говорится, все в прошлом, да тут и в прошлом не было ничего, кроме крохотных надежд-однодневок, от которых только давняя пыльца с крылышек, только жалкий прах остался в углах комнат, в уголках душ, дунь — и нету, так ведь и дунуть-то нет ни сил, ни желания.

Если же действительно вздремнете — то советую проснуться на исходе первого часа картины и услышать такой диалог:

— Значит, ты не любил...

— Да. У меня не было на это времени.

И, спустя реплику, уточнение:

— Это неправда, что не было времени. Я попросту трусил.

А теперь можете спать дальше. Хоть всю жизнь.

В барышень из Вилько мы не бросим камня, потому что и сами не без греха ползучей рутины и дремлющей воли.

По иронии судьбы имя Виктор означает — победитель, а он проиграл по всем статьям. Почва и судьба дышат на ладан. Заглянул в прошлое, чтобы сверить часы, — а они, оказывается, стоят, не тикают, а люди не растут, а только стареют.

Но жизнь все-таки хорошая штука, коли она и в столь скучной модификации может быть предметом искусства.

БАРЫШНИ ИЗ ВИЛЬКО

8

ПОЛЬША, цветной

По рассказу Ярослава Ивашкевича

Автор сценария — Збигнев Каминьский

Режиссер — Анджей Вайда

Оператор — Эдвард Ключиньский

В ролях: Даниэль Ольбрыхский, Анна Сенюк, Кристин Паскаль, Майя Коморовска, Кристина Захватович

Эта картина — о конформизме. Но тому, кто навидался конформизма в родимой советской жизни, где он принимает порой просто-таки фантастические обличья, художественная модель, предложенная Занусси, кажется бледной и элементарной.

Защитные цвета

Кшиштоф Занусси режиссер знаменитый, но, по-моему, зануда.

Впрочем, не настаиваю.

Возможно, тут сказывается абберрация восприятия: тому, кто навидался конформизма в родимой советской жизни, где он принимает порой просто-таки фантастические обличья, художественная модель, предложенная Занусси, кажется бледной и элементарной.

„Защитные цвета” — картина о конформизме, но до того жалком и бескрылом, до того мелкотравчатом, что глаза бы не глядели. После наших-то поэтов от мимикрии, после наших-то Наполеонов и Прометеев от конформизма те примитивные игры, которые ведут в фильме интеллигенты средней руки и посредственной фантазии, как-то не воспринимаются. Эта леденящая душу скукой история хорошо уложилась бы в три части, то есть в полчаса. Прекрасно понимаю, что это достаточно хамское с моей стороны заявление, но, простите, не хочу врать, не хочу, вот именно, конформизма.

Скучны тутошные конформисты — но единственный их антипод наводит вообще полную тоску. Укусил спяну ректора за ухо — такой вот активный нон-конформизм.

А еще я вдобавок вычитал где-то, что „Защитные цвета” — это комедия. Гм... Что ж, готов это признать — но не раньше, чем мне докажут, что, допустим, Джером Клапка Джером — трагик.

Впрочем, чувство юмора многогранно — и, возможно, у вас найдется именно такая грань, на которую ориентировался Занусси. Искренне завидую.

Судак по-польски — по-моему, куда более остроумное произведение.

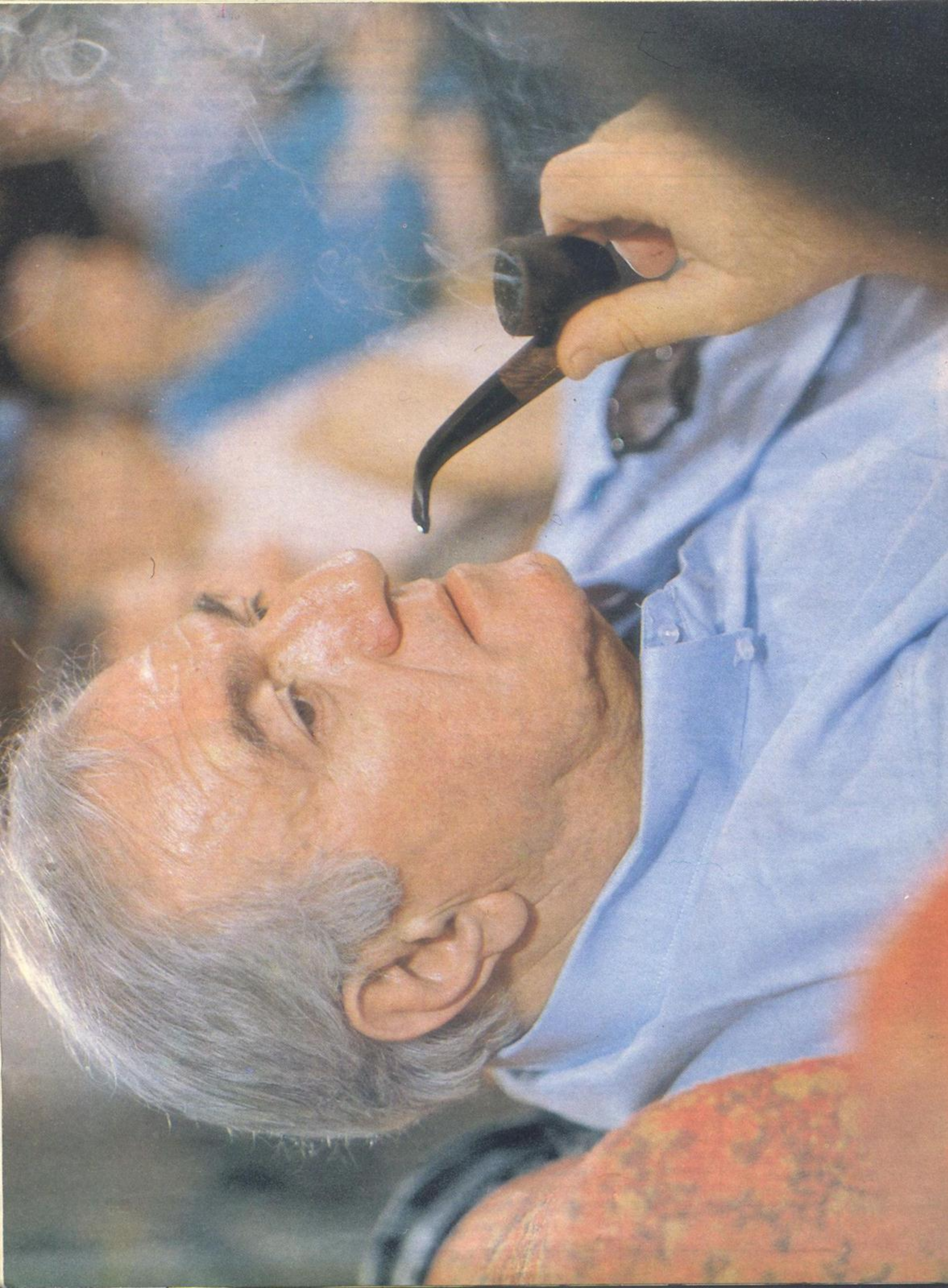
Мне ужасно неудобно столь уничижительно отзываться о фильме столь уважаемого режиссера, а потому попытаюсь слегка подсластить эту гадкую пилюлю.

Вот каким образом: я убедился, что сделать по-настоящему серый фильм может только истинно талантливый человек.

Возможно, вы убедитесь в обратном, все-таки посмотрев фильм „Защитные цвета”, о сюжетных перипетиях которого я умолчал с тем, чтобы уже вовсе не отбить у вас охоты сделать это.

В конце концов, может, просто разница темпераментов сказывается, верно?

ПОЛЬША, цветной
 Автор сценария и режиссер — Кшиштоф Занусси
 Оператор — Эдвард Клосиньский
 В ролях: Петр Гарлицкий, Збигнев Запасевич,
 Кристина Пол-Подляски, Мариуш Дмоховский, Войцех Аляборский

Баадур Цуладзе

Грузинское кино щедро на лица и имена. Оно, например, так богато замечательно талантливыми актерами, что мы, зрители, позволяем себе удобную для нас и обидную для этих актеров форму взаимоотношений: не утруждаем себя запоминанием фамилий, но радостно приветствуем, встретив их на экране.

Вот и Баадур Цуладзе, наигравшего в кино уже более девяносто ролей, не все помнят по имени, но все знают в лицо. Дети — как хозяина харчевни „Трех пескарей“. Взрослые — как милого завсегдатая множества фильмов (по преимуществу комедийных), обаятельного чудака, неуклюжего мечтателя. Мало кто, впрочем, знает, что такой „несерьезный“ актер имеет вполне серьезный режиссерский диплом, что учился он во ВГИКе у Александра Петровича Довженко, что сам поставил несколько короткометражных и две большие картины — „Для любителей решать кроссворды“ и „Наш черед, ребята“.

В феврале 1989 года я впервые встретил Баадура Цуладзе в Калининне на I Всесоюзном фестивале актеров советского кино. „Я всю жизнь снимался в комедиях, — говорил он тогда за „круглым столом“, посвященном проблемам актерской профессии. — Есть роли, которые, как вороны, живут 300 лет. А я — актер „бабочка“, пусть даже одноклевка, лишь бы удавалось дарить людям улыбку“.

Повторяю: это был февраль 89-го. Мы все тогда даже и предположить не могли, что всего через два месяца произойдет то, что произошло в Тбилиси 9 апреля. Цуладзе, как и многие грузинские кинематографисты, оказался в самой гуще событий, последовавших вслед за трагедией на проспекте Руставели. Что-то организовывал, кого-то привозил, рассказывал, выступал. И, по собственному признанию, почти год ничего не делал в кино, потому что все время был занят делами и проблемами Народного фронта Грузии. А проблем этих — великое множество...

И когда мы встретились год спустя в том же Калининне на Втором актерском фестивале, я, разумеется, прежде всего спросил о том, сохраняется ли он верность прошлогодним своим утверждениям. Ведь события прошедшего года давали для улыбок чрезвычайно мало поводов — больше для слез, печали, тревоги.

— Может быть, сейчас как раз и нужны комедии. Народ устал и немножко озлобился: люди чувствуют, что борьба нам всем предстоит долгая, затяжная. Поначалу-то думали: еще чуть-чуть и все у всех будет...

Понимаете, иногда критики ворчат: дескать, во время войны снимались глупые комедии. Но, может быть, в тот момент и нужны были именно они. Осмысление пришло позже, когда появились люди, которые были на фронте. Кроме того, народу всегда нужна надежда. И эти „глупые“ комедии — „Антоша Рыбкин“ и тому подобное — делали свое дело. Кстати, и американцы в Голливуде, снимая в то время „Песнь о России“ или „Джордж из Динкиджаза“, во многом шли тем же путем. И народ валом валил на эти фильмы. Потому что как можно осмыслить войну, когда она сейчас происходит? Это такая же конъюнктура, как теперь делать фильм о перестройке.

А комедия — это такое искусство, которое всегда нужно. И когда плохо, и когда хорошо. Без эмоций жить нельзя! Потому, кстати, мне не очень нравится то знаменитое советское кино, которое было в двадцатые-тридцатые годы: уж так все рассчитано, так идеологизировано — не до эмоций. И неинтересно сейчас смотреть. А „Дилижанс“ Джона Форда всегда смотреть будут...

— Наверно, и „Свадьбу“ и „Бабочку“ с вашим участием тоже всегда смотреть будут...

— Надеюсь. Понимаете, ни зрители, ни критика не решат, кто лучше, а кто хуже. Только время рассудит. Когда снимаюсь, думаю не о вечном, а о том, могу ли я принести радость людям.

— Вы снимались у таких разных режиссеров как Иоселиани, Рехвиашвили или, скажем, Квирикадзе. У каждого — свой мир и свое кино. И, видимо, режиссер и актер в каждом случае по-разному находят взаимный контакт и взаимное понимание?

— По-разному. Отар Иоселиани, к примеру, ни одному актеру не дает прочесть сценарий, потому что не хочет, чтобы актер режиссировал роль заранее, а после чтения сценария, по его мнению, этого не избежать. В кино, считает Отар, надо жить моментом, той сценой, которая снимается сегодня. Когда кто-то попросил Отара дать почитать сценарий, чтобы подумать над ролью, он ответил: „Думать — это моя профессия...“.

А вот Саша Рехвиашвили — быстрый, не допускающий всплесков эмоций. Я люблю у него играть: делаю то, что он просит, а потом смотрю на экран, где все получается удивительно интересно. И это при том, что он вроде бы „непрофессионально“ объясняется с актером. Помню, снимался у него в прекрасной короткометражке „Луг зеленый“, которую потом так чудовищно загубило телевидение — что-то там перемонтировали, добавили, чтобы народ не понял, о чем идет речь. Так вот он подошел ко мне и сказал: „Баадурчик, милый, я не знаю, что снимаю. Я никогда не видел театр абсурда, но я хочу снять абсурд. Сможешь ты мне это сыграть?“ Я сказал: „Пожалуйста“.

Ираклий Квирикадзе, кажется, вовсе не умеет разговаривать с актерами. Он всегда что-то не понимает, пытается объяснить, импровизирует, снимает сначала один вариант, потом другой. Ну, вроде бы не знает человек, что делает. Но ведь судить-то режиссера надо по результату, а фильмы Квирикадзе сами за себя говорят.

— Мы вас увидим в ближайшее время в новых фильмах этих режиссеров?

— У Рехвиашвили в фильме „Приближение“. Собирался работать у Квирикадзе в очень интересной картине „Слезы Дон-Жуана“ — действие там должно было происходить сразу в трех или четырех эпохах. Но этот проект, к сожалению, провалился, и Ираклий сейчас снимает другую картину. Она условно называется „Авероз — мой бог“. Он меня пригласил туда не актером, а вторым режиссером.

Кроме того, снялся в небольшой роли на „Ленфильме“ у Виталия Мельникова в „Царской охоте“. Есть еще одно заманчивое предложение: английский режиссер Хилл снимает в копродукции с „Мосфильмом“ 13-серийный фильм об Арктике. Мне предлагают главную роль в одной из серий...

Актер остается актером даже в минуты потрясения. Баадур Цуладзе, как и многие его земляки-коллеги из красивого края, все обитатели которого талантливы, рад, когда люди улыбаются. Улыбка, конечно, не спасет мир, но, возможно, если мы не разучимся улыбаться, его не придется спасать.

Александр Колбовский

Чернь может быть любого цвета кожи,
носить непохожие наряды — белые ку-клукс-клановские балахоны или шинели
без погон поверх черных маечек с колоколом, но всегда любит красное:
кровь и огонь.

Миссисипи в огне

США, цветной
Автор сценария — Крис Джеролмо
Режиссер — Алан Паркер
Оператор — Питер Бизью
В ролях: Джин Хэкмен, Уиллем Дефо,
Франсис Макдорманд, Брэд Дуриф, Гейлард Сартейн

ЗАКОН — НЕ ДЫШЛЮ

Соединенные Штаты, 60-е годы — и, к несчастью, так актуально для нас.

Убийство по расовым мотивам — и расследование, которое ведут следователи из ФБР. Отличные актеры, крепко свинченный сюжет — посмотрите, будет интересно, фирма гарантирует.

По мне, наиболее интересны два аспекта.

Первое — недвусмысленный ответ на прозвучавший с экрана вопрос: „Откуда это взялось — столько ненависти?“

Будто подслушали — ведь именно этот вопрос ерзает у нас на губах уже многие месяцы: откуда?

Криво провели когда-то границы?

Не поделили клубнику на базаре?

Не хватает специального канала на ТВ?

Масоны? Фундаменталисты?

Кого-то-фобы?

Ах, все проще, оказывается.

„Если ты не лучше негра — то кого же ты лучше?“

Всего-то навсего ублюдочный комплекс неполноценности, хамничтожество, жаждущий самоутвердиться, — и делающий это на свой бездарный манер. Это нравственная бездарность — а у нас она вдобавок умножена на всеобщую бедность, на имперский гнет советскости, под которым любая нация, сколь угодно многочисленная, ощущает себя ущербным меньшинством. Униженные и оскорбленные надеются обрести собственное достоинство, унизив и оскорбив других.

Чернь может быть любого цвета кожи, носить непохожие наряды — белые ку-клукс-клановские балахоны или шинели без погон поверх черных маечек с колоколом, но всегда любит красное: кровь и огонь.

Расовая ненависть, проявления которой в нашей стране лицемерно именуются „международными конфликтами“, — болезнь опасная, эпидемическая. Я смотрю на экранного полицейского — ку-клукс-клановца — и вспоминаю рассказы о закавказских милиционерах, равнодушно поворачивавших спиной к погромам.

Слаб человек — вплоть до подонства. Значит, должен работать неумолимый Закон.

Вот оно, второе, что запало мне в душу на фильме „Миссисипи в огне“: как упорно, настойчиво делают свое дело фэбээровцы, зрячие слуги Закона, исполнители его государственной воли. Где они, конкретные преступники из Сумгаита или Ферганы? Что мы о них знаем, кроме одной и той же уклончивой фразы: „заведены уголовные дела“? Раз за разом все уходит в песок... Что ж, если закон — филькина грамота, то и гражданская война в порядке вещей.

Закавказье в огне.
Ветер к северу.

Поскольку о китайском кинематографе мы, за исключением двух-трех людей, сделавших знания о нем своей профессией, имеем представление более чем туманное, то сам факт появления „Последнего безумства” на наших экранах — явление отрадное.

Последнее безумство

КНР, цветной
Авторы сценария — Ши Чэньюань, Ши Чэньфэн
Режиссеры — Чжоу Сяовэнь, Ши Чэньфэн
Оператор — Фэн Вэй
В ролях: Чжан Цзяньминь, Лю Сяонин, Цзинь Лили

БОЕВИК ПО-КИТАЙСКИ

Поскольку о китайском кинематографе мы, за исключением двух-трех людей, сделавших знания о нем своей профессией, имеем представление более чем туманное, то сам факт появления „Последнего безумства” на наших экранах — явление отрадное.

Да, вы меня правильно поняли...

Знаете, если бы передо мною бы стояла бы задача бы рекламного бы зазывала бы — было б проще. Я бы намекнул на неожиданную развязку картины. Лестно отозвался бы о подругах главных действующих лиц — беглого преступника и преследующего его полицейского. Пустил бы слюнки по поводу мотоциклетной и вертолетной погонь. Напомнил бы, что речь о той службе, которая „и опасна, и трудна”. В общем, порядочно бы вам мозги запудрил.

А так...

Нет, что касается оснащения их полиции — тут, если судить по фильму, они нас побогаче. Может, у них и кинобоевики есть покруче, да мы не тот купили, — не знаю. Но наши „Воры в законе” по сравнению с этим „Последним безумством” — все равно что Джомолунгма рядом со Вшивой горкой.

Впрочем, случай не безнадежный: для публики от десяти до двенадцати лет — вполне приличное кино. Ведь тут даже самый кровавый момент сделан совсем бескровно: это когда одного персонажа запрессовывают с кучей металлолома. Выглядит чрезвычайно пристойно — хоть в „Спокойной ночи, малыши!” вставляй: дети будут спать спокойно.

Больше мне, право же, нечего добавить.

Вы увидите совершенно волшебные спецэффекты (умеют, черти!), однако главный эффект „Кокон” — активный заряд добра. Каким-то образом авторы фильма переняли умение жителей планеты Антария заряжать окружающую среду живительной энергией.

14

КОКОН

США, цветной
Авторы сценария — Том Бенедек, Дэвид Саперштейн
Режиссер — Рон Говард
Оператор — Дон Петерман
В ролях: Дон Амиче, Уилфорд Бримли, Хьюм Кронин,
Брайан Деннехи, Джек Гилфорд

ХОРОШИЕ РЕБЯТА С ПРИЛИЧНОЙ ПЛАНЕТЫ

После фильма „Кокон” я лично стал большим поклонником секса по-антарийски.

Хотел было добавить: „чего и вам желаю”, да вовремя спохватился — далеко планета Антария, рецепт вам узнать будет нелегко.

Впрочем, если вы будете смотреть этот фильм достаточно внимательно, то...

А смотреть „Кокон” вы будете именно так. Потому что это совершенно фантастическая и, одновременно, очень человечная история.

Потому что нам, издерганным тревогой, проклинаящим день вчерашний, недовольным днем нынешним, опасаясь дня завтрашнего, вот такая добрая история в самый раз. Ну, вымысел, ну, несбыточно — но это как раз тот возвышающий обман, что куда дороже тьмы низких истин (а они у нас как раз такие, как на подбор).

Потому что фильм этот милосерден и предлагает думать о людях хорошо и даже еще лучше.

Прилетели хорошие ребята с приличной планеты Антария — ладно, вольно же им быть такими хорошими, раз для них десять тысяч лет — не срок, — но смотрите-ка: а ведь и мы, земляне, тоже не отбросы Вселенной. И разум можно не делить на низший и высший — довольно того, что он просто есть, присущ, хоть мы на свой счет в этом отношении то и дело сомневаемся, поглядывая вокруг.

Вы увидите совершенно волшебные спецэффекты (умеют, черти!), однако главный эффект „Кокон” — активный заряд добра. Каким-то образом авторы фильма переняли умение антарийцев заряжать окружающую среду живительной энергией.

Ну мы, конечно, напустим на себя некоторую фанаберию, как напускает ее на себя наш земляк, наш сопланетник, небрежно замечая: „У меня были антарийки. Не надо думать, что ты здесь первая”. Это сначала. А потом словим колоссальный кайф, поняв, что ведь и мы — вполне даже хорошими ребятами можем быть, и планета наша — очень даже приличная.

А поняв это, — уже без труда освоим, что такое любовь старым антарийским способом.

Очень изящная провокация – воплощение Большой Женской Мечты, суть которой весьма проста: господи, да если бы не было этих нудных, противных, обжористых, грубых, недалеких, надоедливых, слабосильных мужиков-захребетников – то-то славно бы жилось! Мы даже рожали бы одних девочек!

Или дураки.

Или слабоумные.

Я, правда, полагал, что подобный склад женского менталитета характерен лишь для российского контингента, – оказалось же, что есть и итало-французский аналог данного умонастроения.

Ой, да я и не спорю. Так и есть. С женщинами лучше сразу соглашаться – тогда-то и окажешься в выигрыше.

Посмотрите, между прочим, на фамилии авторов сценария и режиссера: сплошь мужики. Ушлые ребята, знали, что делали. И актеров прекрасных набрали: Лив Ульман, Катрин Денёв, Стефания Сандрелли, Филипп Нуаре (как написал журнал „Фильмшпигель“, „испытываешь какое-то приятное возбуждение, когда знакомишься со списком исполнителей“). И до того ловко потрафили лучшей половине человечества, что фильм „Давайте надеяться, что будет девочка“ был признан в 1986 году лучшим фильмом Италии.

Очень изящная провокация – воплощение Большой Женской Мечты, суть которой весьма проста: господи, да если бы не было этих нудных, противных, обжористых, грубых, недалеких, надоедливых, скудоумных, слабосильных, невоспитанных мужиков-захребетников – то-то славно бы жилось! Мы даже рожали бы одних девочек!

„Ну-ну“, – ухмыляемся мы в усы.

Пой, птичка, пой...

Такой, в общем, мадамой бунт.

Такова, стало быть, идея фильма.

Фабульно же – это итало-французский вариант „Прощания с Матерой“. Тоже, знаете ли, деревенская глушь, тоже расставание с родным гнездом – такое, понимаете ли, старинное поместье... Ну, и проблемы, конечно, проблемы... „Может, продать пару участков земли?“ Вопросы просто-таки жгучие порой: „Как ты думаешь, где лучше жить – в Риме или в Австралии?“ Ну, я думаю, в Австралии тоже неплохо. Хотя и в Риме, вероятно, недурно. И поскольку такие сложные дилеммы нас не снедают, мы можем смотреть этот фильм вообще с легким сердцем.

**ДАВАЙТЕ
НАДЕЯТЬСЯ,
ЧТО БУДЕТ
ДЕВОЧКА**

ИТАЛИЯ, ФРАНЦИЯ, цветной
 Авторы сценария – Лео Бенвенути, Пьеро Де Бернарди,
 Сузо Чекки Д'Амико, Туллио Пинелли, Марио Моничелли
 Режиссер – Марио Моничелли
 Оператор – Камилло Баццони
 В ролях: Лив Ульман, Катрин Денёв, Джулиана Де Сно,
 Филипп Нуаре, Джулиано Джемма, Стефания Сандрелли

АФИША „СК“

Фильмы, представленные в нашей афише на этот раз, четко делятся на снятые в странах Восточной Европы и на созданные в Азии. Лишь одна картина стоит как бы особняком: это испанская лента „ПОЛНЕБА“ одного из известнейших в мире режиссеров Мануэля Гутьерреса Арагона (он же автор сценария в сотрудничестве с Луисом Мехино). Однако своей славой фильм в равной степени обязан и исполнительнице главной роли Анхеле Молине, с артистическим блеском воссоздавшей на экране жизнеописание бедной провинциалки, ставшей благодаря благородному, врожденному уму и стойкости своего характера неотразимой хозяйкой столичного ресторана.

Молодой чехословацкий режиссер Радован Урбан дебютирует на наших экранах фильмом „ГОРЯЧАЯ КАША“, посвященном подростковым проблемам, которые, как известно, чаще всего уходят корнями в несовершенство мира взрослых. Одним из основных выразительных средств в этом фильме стали песни рок-группы „Витацит“, вобравшие в себя боль, отчаяние и протест молодых. Автор сценария Милош Цайтгамл, в ролях: Пётр Бок, Люция Бенешова.

В гораздо более пастельных тонах представлен конфликт отцов и детей в еще одной чехословацкой картине „НЕ ХНЫЧЬ, БЕЛОЧКА“ режиссера и автора сценария Веры Плиновой-Шимковой. Эта лента скорее из категории фильмов, обозначаемых ранее грифом „для детей и юношества“. Рождение братьев-близнецов сильно осложняет отношения между родителями и их старшей дочуркой, чувствующей себя обманутой и лишней. Довольно жизненная ситуация, не правда ли? В ролях: Геленка Витовская, Иржи Шмитцер.

А вот уже и совсем благостную историю взаимоотношений в счастливой многодетной семье рассказывает в своей картине „ЭСД“ опытный режиссер детского кинематографа из Польши Анна Соколовска. Почему же в названии столь странная аббревиатура, спросите вы? Ее придумала одна из четырех сестренок и означает она „экспериментальный сигнал добра“, при помощи которого девочки хотят увеличить количество добра в мире. В ролях: Эльжбета Хельман, Алиция Войтковая, Юстина Заремба.

Любителям остросюжетного кинематографа афиша предлагает польско-румынский фильм „ЗОЛОТОЙ ПОЕЗД“ автора сценария Иоана Григореску и режиссера Богдана Порембы. Сюжет, изобилующий детективными мотивами и лихими приключениями, основан на

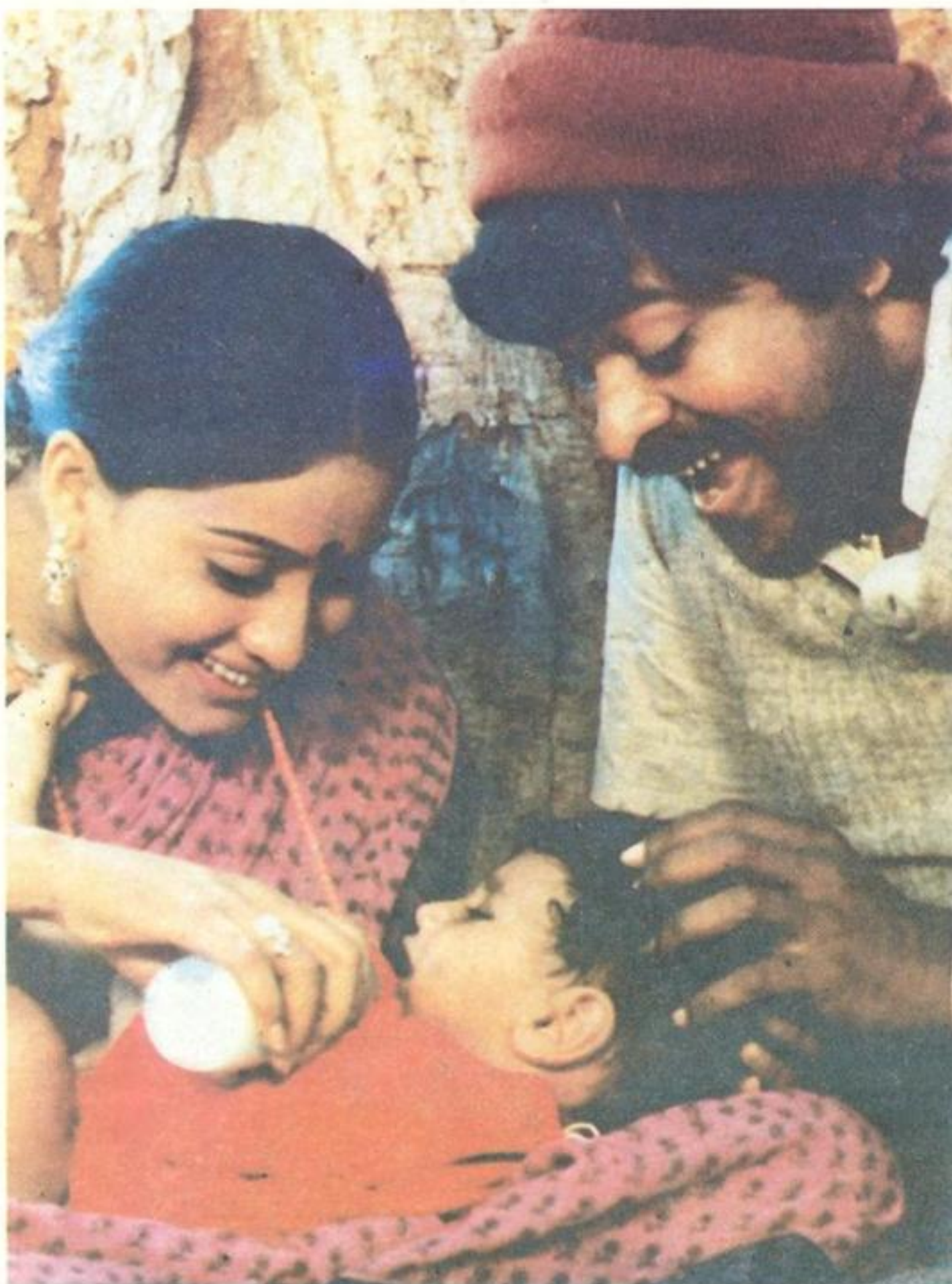
подлинной истории эвакуации польского национального золотого запаса в Англию перед лицом угрозы фашистской оккупации. В ролях: Митикэ Попеску, Вацлав Улевич, Ева Куклинска.

Молодому режиссеру поручена постановка большого эстрадного шоу. Он уговаривает исполнить главную партию очаровательную студентку консерватории, отец которой и слышать не хочет о легком жанре, а девушка так мечтает об эстраде... Она просто создана, чтобы царить там. Да, удивительным образом сюжеты музыкальных комедий похожи друг на друга. Что ж, таковы, видимо, законы жанра. На сей раз его представляет вашему вниманию румынский режиссер Георге Витанидис, вынесший в заглавие ленты строку, звучащую с экрана в одной из песенок: „ТЫ ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ“. В ролях: Стела Попеску, Марин Морару, Юрие Дарие.

Поклонникам индийской мелодрамы вновь есть что посмотреть в этом месяце. Мы имеем в виду фильмы „СОБСТВЕННЫМИ СТАРАНИЯМИ“ режиссера К. Вишванатха и „РАДЖЛАКШМИ“ режиссера Правина Нишчола. В первом из них основной конфликт завязан на приемном сынишке трудолюбивого и честного главного героя, чей родной отец — гнусный и развратный тип — все время посягает на благополучие и праведный образ жизни сына. Роли здесь исполняют Чирандживи, Виджайясанги, Сумалатха. Во второй работе в центре внимания судьба обездоленной юной девушки, которую нищета ввергает в пучину неисчислимых страданий. Любимый же ее волей умирающей матери помолвлен с другой... В ролях: Фарук Шейх, Суджата Мехта.

Но индийский кинематограф — не только мелодрама. В этом вы убедитесь, посмотрев политическую ленту знаменитого мастера остросоциальной темы Говинда Нихалани. В картине „ОЦЕПЕНЕНИЕ“, посвященной профсоюзной борьбе рабочего класса за свои права, режиссер вновь отстаивает свои убеждения яростно и страстно. В ролях: Ом Пури, Гопи.

Корейский режиссер Тянь Ен Бок и автор сценария Ли Чжин У в мелодраме „КРАСНЫЕ КРЫЛЬЯ“ поведают историю трагической судьбы корейского летчика-испытателя, служившего в Японии в конце второй мировой войны. Брак с любимой женщиной и рождение сына стали, пожалуй, единственными светлыми моментами горестной жизни главного героя. В ролях: Ким Вон, Ким Чжен Хва, Тянь Ю Сон.

СОБСТВЕННЫМИ СТАРАНИЯМИ

ТЫ ВСЕГДА В МОЕМ СЕРДЦЕ

ВСЕСОЮЗНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ НЕИГРОВОГО КИНО

ГОРОД ПРИНЯЛ?

„Правдой будем добывать правду” — эти слова Дзиги Вертова стали девизом II Всесоюзного фестиваля неигрового кино, проходившего в славном русском городе Воронеже. И слова классика не были просто звонкой парадно-фестивальной фразой, к которым мы так привыкли в пресловутое застойное время (вспомните хотя бы печально знаменитую — „Все для человека, все для блага человека”). Все ленты, представленные на конкурс (а их было 140!) и показанные во внеконкурсной программе (а их более сотни), были полны горькой, обжигающей душу правды. Правды о кризисной экономике, об экологической катастрофе (экологическая тема — доминирующая на Воронежском фестивале), об обострении международных отношений, о сталинизме и сталинистах, о жизни женщин и детей, о рабочих и крестьянах, о многострадальной интеллигенции нашей. Уверен, продолжи вы список „больных” тем, и почти наверняка найдутся снятые по ним ленты из программы Второго неигрового. Впрочем, о том, что советское неигровое сейчас намного впереди в „добывании правды”, чем кино игровое, знает сейчас каждый. Но вот беда — воронежцы, хозяева фестиваля, фестивальных фильмов посмотреть просто не могли. Даже если бы очень захотели. Конкурсные картины в кинотеатрах не шли. Внеконкурсные были показаны в нескольких залах. Но странный это был показ! Информации никакой. А в залах рядом (часто в тех же кинотеатрах или домах культуры) шли западные супербоевики — „Челюсти”, „Джеймс Бонд”, фильмы с участием Сталлоне (видели ли вы их когда — нет, не по видео, а на экране?). Быть может, Воронеж — киногород какой особенный? Да ничего подобного — все эти страсти были специально выпущены в период фестиваля.

И вообще воронежские власти с самого начала повели себя как-то странно. Фестиваль однажды откладывался. Из-за международного симпозиума МАГАТЭ, а эта международная организация как раз поставила вопрос о строительстве в городе Воронеже АЭС (в области уже одна есть), а тут фестиваль с фильмами о последствиях Чернобыльской аварии („Ми-кро-фон!” „Укркинохроники”, „Пейзаж после битвы” „Беларусьфильма” и две картины ТПО „Нерв” — „Не спрашивай, по ком звонит колокол” и „Колокол звонит по тебе”). Но

вопреки всем препятствиям „отцов” области и города две последние ленты режиссера Роллана Сергиенко смогли увидеть и студенты ВГУ, и курсанты Воронежского радиоэлектронного военного училища, и работники Воронежской АЭС. И пообщаться с честным и талантливым режиссером.

Словом, нелегко правда неигрового кино пробивала дорогу к воронежскому зрителю. Где-то в конце фестиваля в городской Дворец профсоюзов, где шли фильмы конкурса, пускали всех желающих. Но то ли желающих было мало, то ли

они не знали об этом — зал был по-прежнему почти пуст... Да был ли вообще фестиваль-то? Был, был! С очень разными и сильными фильмами, пресс-конференциями и спорами до хрипоты, со строгим жюри, с торжественным и зрелищным открытием и грустно-прощальным закрытием. И, конечно, были призы. Главный приз был присужден тончайшей киноверсии философских построений Зигмунда Фрейда „Толкование сновидений” (режиссер Андрей Загданский, „Киевнаучфильм”). Работа ленинградского мастера Николая Обуховича „Наша мама — герой” (ЛСДФ), снятая еще в 1979 году, получила приз „за лучший документальный фильм” и приз критиков „за правдивый и человечный фильм, снятый в бесчеловечное время”. Вместо эпиграфа к этой печальной картине о знаменитой ивановской ткачихе Валентине Голубевой — гневная телеграмма тогдашнего секретаря Ивановского обкома партии, требующая покарать режиссера за очернительство... Лучшей научно-популярной лентой признана „Рядом с Зубром” (режиссер Елена Саканян, „Центрнаучфильм”, ТО „Четвертое измерение”) — о судьбе выдающегося русского биолога Н.В. Тимофеева-Рессовского. Наград много. Сказать обо всех не удастся, но отмечу, что почти каждый фильм Воронежского фестиваля требует обстоятельного, серьезного разговора. Почему таких разговоров между создателями и теми, для кого они создают кино, в Воронеже не было? Ведь еще памяты переполненные залы и горячие дискуссии Свердловска, где проходил I фестиваль неигрового кино. В чем дело? Здесь есть о чем подумать.

Валерий Канаев

Да что же это с нами происходит?! Вот показали по телевидению женщину – в оранжевой спецодежде шпалы ворочает и говорит, что счастлива. Искренне говорит. Сама верит в то, что говорит. Но почему-то злость берет за такое вот счастье. И обида. И горечь. И смех сквозь слезы. И слезы сквозь смех. На том стоим...

Да неужто и впрямь Фортуна лишила нас своего расположения (а ведь сама же „фемина“) и таскать не перетаскать нам кошелки, старенькое на новенькое перешивать, в очередях отбиваться, от одиночества выть?.. К сожалению, у каждой есть чем поделиться. Фемине феминно? Выходит, что так. Но ведь и оно разное бывает, а такого феминно не хочется. Ой как не хочется. Помните фильм „Одинокая женщина желает познакомиться“? Там героиня Ирины Купченко (та самая одинокая женщина) объявления расклеила в надежде найти спутника жизни. Спутник не замедлил явиться. Благоухающий, но не французским одеколоном – портвешком. Она его под горячую струю – и он уже симпатяга симпатягой, ну вылитый Александр Збруев. А если под струю, но не Збруев окажется, а какой-нибудь... бр-р-р?.. Или вообще горячую воду отключат? Что тогда? Это только в кино с Баталовым можно в электричке знакомство завести и замуж за него выйти. Однако спасибо режиссерам – пока только они и оставляют нам надежду, что ЭТО когда-нибудь да случится.

Режиссеру Вячеславу Криштофовичу (именно он осчастливил одинокую женщину, которая желала познакомиться), судя по его предыдущей картине и новой – „РЕБРО АДАМА“,

ГРУППА „ПРОГРАММА“ ПРЕДСТАВЛЯЕТ ФИЛЬМ

ВНИМАНИЮ
ДЕЛОВЫХ ЛЮДЕЙ!

Все права на фильм
„РЕБРО АДАМА“
принадлежит ГПТО
„Мосфильм“.
Коммерческая
служба:
Телефоны –
143 92 35, 143 93 63,
143 91 45
ФАКС – 9382083
ТЕЛЕКС – 114591
„Лиана“

РЕБРО АДАМА

ТО „Ритм“ ГПТО „Мосфильм“

Автор сценария – Владимир Кунин

Режиссер – Вячеслав Криштофович

Оператор – Павел Лебешев

В ролях: Инна Чурикова, Светлана Рябова, Маша Голубкина,
Елена Богданова, Андрей Толубеев, Игорь Кваша,
Ростислав Янковский

женский вопрос тоже не дает покоя. (Как, впрочем, и автору сценария Владимиру Кунину – „крестному отцу” шумевшей „Интердевочки”). В „Ребре Адама” они объединили свои усилия в решении этого вопроса, и вот на экране четыре женщины из одной семьи (мужчин в ней нет) – бабушка, мама, две дочери. Четыре судьбы. Параллелей с реальностью хоть отбавляй. Скажете, надоело про эту жизнь? Не торопитесь – с тех пор, как появилась на свет из ребра Адама наша очаровательная прародительница, она такие сюжеты подбрасывает... И опять же какой никакой, а урок жизненный извлечь можно...

Итак, четыре женщины из одной семьи – бабушка, мама, две взрослые дочери. Всего несколько дней пройдет с начала фильма до его финала. И вместят они будничную суету, маленькие нечаянные радости, моменты отчаяния, любви, слезы, разочарования, заботы, проблемы, огорчения, надежды и прочее, и прочее, и прочее. Словом, все то, что есть жизнь – самая что ни на есть земная. В маленькой двухкомнатной квартирке вчетвером (скоро будет и пятый – младшенькая пятнадцатилетняя ждет малыша), с парализованной старухой и с ожиданием... Вот чего только? Покоя ли? Участия? Мужской ласки? Желания довериться и доверять? Да всего того, что составляет простое такое бабье счастье.

И сядут они на кухне, и нальют по махонькой, когда уж совсем прижмет, запищат, потом придут в себя, встряхнутся и все начнется сначала – жизнь ведь продолжается и ее надо жить...

ДИЛЕТАНТЫ

«ШАМБЕРЬЕР» ДЛЯ АКТРИСЫ

Да, случается и такое: и актриса меняет профессию. Заманчивую, неповторимую, а вот — меняет. Впрочем, Наталья Варлей, поступая 6 лет назад в Литературный институт им. Горького, с актерской профессией расставаться не собиралась. Не собирается и сейчас, когда защитила „на отлично“ диплом и стала профессиональным литератором. И сегодня мы обращаемся к Наталье Варлей — поэту и актрисе.

— Как и когда вы начали писать стихи?

— Сочинять стала еще до того, как научилась писать, а писать научилась в 4 года.

— Почему же после окончания школы вы не поступили в Литературный институт?

— Да я и в Театральное училище поступила не сразу. Занималась музыкой, живописью, окончила цирковое училище, работала в цирке под куполом. Ну а стихи для меня настолько нормальное состояние — как дыхание, — что я никогда не думала делать их профессией.

— И все же в Литинститут вы пришли...

— Понимаете, в определенном возрасте необходимость реализовать себя в поэзии должна подкрепляться профессиональными навыками. К тому же при много требующей и мало отдающей актерской профессии, с двумя детьми, я, быть может, и перестала бы писать. Учеба в институте стала неким „шамберьером“, постоянно подхлестывающим в работе, поддерживающим в студенческом состоянии духа.

— Вы получили от учебы то, что ожидали?

— В какой-то мере — да. Хотя было очень трудно. Так получилось, что в самом начале учебы у меня родился второй сын. К тому же я не переставала сниматься.

— Как вам удавалось совмещать учебу, съемки, домашние дела?

— Сократила время сна. Сейчас вспоминаю об этом с ужасом. Когда ночью, после кормления ребенка, садилась писать контрольную по диамату, а потом ее возвращают с орфографическими ошибками, понимаешь, что ты уже на пределе.

— Как ваши домашние отнеслись к тому, что вы стали студенткой?

— Родители сочли блажью, сказали, что пора зарабатывать деньги профессией, а не учиться в который раз. Это отношение к учебе так у них и осталось. А старший сын нашел какие-то слова, чтобы меня подбодрить, вроде „учиться никогда не поздно“.

— Ваши любимые поэты?

— Цветаева, Ахматова, Пастернак, ранняя Ахмадулина.

— Вы много поете на экране. Не предлагали ли вам режиссеры спеть песни на собственные стихи?

— В кино — нет. К сожалению, кинорежиссеры часто не

представляют, на что способен тот или иной актер. Используют его в когда-то устоявшемся ампула — и все. Но на прошлом Калининском фестивале актеры устраивали вечера „Без суфлера“, где пели свои песни, читали стихи, и композитор Юрий Петерсон предложил написать музыку к нескольким моим текстам. Потом наши песни звучали по радио, телевидению, одну я пела в программе „Ретро“.

— Ваши стихи показались мне очень трагичными. Пессимизм — черта характера?

— Нет, просто стихи чаще рождаются при каких-то трагических стечениях обстоятельств. Они-то „дупло“, в которое можно прокричать, чтобы освободиться от того, что угнетает.

— Что для вас творчество — импульс или ежедневная кропотливая работа?

— Я постоянно хожу с блокнотом. Вдруг начинаю слышать музыку стиха, ритм, потом это обрастает словами. Или нет — как получится. Сажусь за письменный стол лишь тогда, когда просто не могу не сесть. А работать целенаправленно 8 часов в день — у меня нет такой возможности. Но если бы была, наверное, реализовалось бы многое из того, что сейчас теряется.

— С кем вы советуетесь, когда заходите в тупик?

— Ни с кем, я не отношусь к этому драматично. Откладываю стихотворение в сторону и жду того „толчка“, того впечатления, которое поможет выйти из кризиса. Иногда это прогулка по лесу, иногда влюбленность, воспоминание, книга. Я фаталист: если суждено — напишется.

— Чье мнение для вас ценно и важно?

— Мне кажется, сам человек знает себя, как никто другой. У меня есть чувство фальши, слух на собственные стихи. Когда чувствую диссонанс, фальшивую ноту, тут же стараюсь исправить ее. Существует некий внутренний „критик“, к которому надо прислушиваться.

— Где публиковались ваши стихи?

— В журналах „Крестьянка“, „Юность“, „Звезда Востока“. В издательстве „Советский писатель“ уже довольно давно лежит мой поэтический сборник. А актерская гильдия готовит сборник по следам выступлений в Калининске. Там и проза Гурченко, и эпиграммы Гафта, и стихотворения Филатова. И — мои.

— Литературный мир очень резко разделен сейчас по политическому признаку. Чьи взгляды вы разделяете?

— Политика политикой, но мне близко лишь то искусство, которое стремится сохранить вечные ценности, данные природой, незывлемые в любой политической ситуации и позволяющие видеть „свет в конце тоннеля“. Я верю в духовное возрождение, в очищение любовью, дружбой, состраданием.

Беседу вела О. Шумяцкая

Дарья МИХАЙЛОВА

НА НАШИХ ОБЛОЖКАХ:

Леонид ЯРМОЛЬНИК

Ее „звезда” не всходила на отечественном киненебосклоне ни быстро, ни ярко. Ее имя не мелькало ни в титрах „забойных” кассовых лент, ни на устах заядлых киноманов, лицо редко появлялось на рекламных плакатах. Многие до сих пор считают ее дочерью актера Александра Михайлова еще и потому, наверное, что девочкой Даша сыграла вместе с ним в фильме В. Дормана „Похищение „Савойи”. А она неторопливо и вдумчиво соглашалась на одну роль в год („Не могу сниматься сразу в нескольких фильмах. Для кого-то это естественно, кто-то может совмещать, и это совсем не значит, что он халтурит. Я — нет”). Так же вдумчиво отказывалась от множества предложений („Я много отказываюсь не потому, что капризна. Просто хочу играть лишь то, что мне интересно. Может быть, разборчивость — мой недостаток, но идти против себя... Нет, все равно за компромисс будет потом стыдно — ничего хорошего из него не выйдет”). И каждый год ее приглашали режиссеры, о работе с которыми мог бы мечтать любой актер: И. Таланкин, И. Авербах, Г. Панфилов, Г. Шумский. У последнего Даша снялась в 11 лет и потом, получив за эту давнюю и первую свою роль в „Голубом портрете” приз „За лучшую детскую роль”, работала еще в двух картинах. К 25 годам число сыгранных ею ролей приблизилось к двум десяткам, и „звезда” Дарья Михайлова, так не спеша набиравшая силу, „засияла” ровно и сильно.

Почти все ее героини — из одной „семьи”. Из „семьи”, берущей свое начало в 30-летней давности северном городке, где жила героиня „Дикой собаки Динго” — замкнутая, немногословная, гордая Таня. Они и внешне похожи — Таня и юные героини Даши Михайловой, похожи немного сумрачным взглядом светлых глаз, не допускающим вмешательства в душевную и духовную жизнь. Есть нечто, что выделяет их среди окружающих — некий знак исключительности, нетипичности, неповторимости. Цельность ли это или целеустремленность характера, нестандартность мыслей и действий или внутренний надлом... Они сестры — импульсивная максималистка Танька („Голубой портрет”), умеющая осознать собственную неправоту; и насмешливая непосредственная Оксана („Прилетел марсианин в осеннюю ночь”), в характере которой чувство ответственности так причудливо сочетается с романтичностью; тонкая, замкнутая Валентина из одноименной ленты Г. Панфилова и абсолютно раскованная, самоуверенная Таня („Время отдыха с субботы до понедельника”), полные, казалось бы, противоположности, но обе стремящиеся к всеобщей гармонии; и все „военные” героини в лентах „Еще до войны”, „Звездопад”, „Экзамен на бессмертие”, столь схожие в своей трагичной любви. И наконец, Рита — последняя роль Даши в телесериале Л. Квинихидзе „Остров”, казавшаяся сначала жесткой и недоброй, но жертвенная, гордая, не способная обидеть и оскорбить никого рядом и напомнившая в своей готовности помочь Наташу из ленты Ю. Карасика „Без солнца”.

Они — сестры. И ничего тут не поделаешь, ибо, как считает Даша, „существует актерская индивидуальность, которая пусть и выражается более или менее ярко, но присутствует всегда и везде — на киноэкране или театральной сцене”. Правда, в Театре им. Вахтангова, где работает Даша, с ролями пока не густо — лишь в „Кабанчике” В. Розова, поставленном замечательным режиссером А. Шапиро. И еще — репетиции, репетиции, репетиции...

Ольга Юрьева

В мешковатых джинсах, распахнутой куртке, длинноволосый, загорелый („Только что вернулся из Гудаури — наконец-то научился кататься на горных лыжах”), бегом в какие-то подвезды, бегом обратно, в машину, — он был очень похож на себя экранного. На легкой такой грустинкой клоуна, который знает все ваши слабые струнки и потому может заставить хохотать до слез: чуть ироничный, слегка наивный, немного нескладный, все понимающий с первого слова. „Простак с загадкой”, как сам он определяет свое амплуа. Амплуа, не кем-то когда-то придуманное, а им, Леонидом Ярмольником, созданное. Его простак родился лет 15 назад, когда студент Театрального училища им. Щукина Леонид Ярмольник снимался в первых своих фильмах. Он заявил о себе в полный голос позже, когда артист Театра на Таганке Леонид Ярмольник („С Таганки ушел в 83-м, когда уехал Любимов”) все чаще стал появляться на наших экранах. Приходил один, как сын „того самого Мюнхгаузена”, и тогда слово „простак” звучало слишком мягко. Появлялся вместе со своей загадкой, и тогда оказывалось, что не так уж он прост: поливая на „Кафедре” цветочки или „убирая” надоевшего всем резидента, прекрасно знал, „что такое хорошо и что такое плохо” и в самом высоком, и в самом меркантильном смысле.

— Но почему именно это амплуа?
— Это как в песенке: „у попа была собака”. Роли, которые мне сначала предлагали, создали определенный имидж, я ему следую, естественно, его с тех пор и использую. Я уже стал как бы имя нарицательное: Леонид Ярмольник в роли Леонида Ярмольника.

Про иных говорят: „мастер эпизода”, „в эпизоде он незаменим”. Он действительно мастер эпизода, и в эпизоде он действительно незаменим. Только отношение у него к эпизоду — неэпизодное.

— В главной роли актер делает больше „выстрелов” по одной мишени. В эпизоде же либо ты попал „в десятку”, либо нет. Принципиальная разница.

Он так часто попадал „в десятку” и в кино, и на эстраде, так упоительно и уморительно проигрывал свои, им же самим придуманные миниатюры, что от него — увы! — стали требовать зачастую лишь „цыплят-табака”. Лишь в последние 3—4 года „Две стрелы”, „Француз” и „Руанская дева по прозвищу Пышка” дали нам возможность увидеть его в ином качестве. Простак уходил в тень. Загадка оставалась. Уже его Кот („Про Кота”) так ловко дурачил короля, что ясно было: уж кого-кого, а его вокруг пальца не обведешь. Его Долгоносик так старательно простаком прикидывался, что все понимали: уж кто-кто, а он зубами будет держаться за свою тайну. А месье Конюде, демократ в трехцветном шарфе, так ярко доказывал свою приверженность Французской республике, что наводил на мысль: уж кому-кому, а ему „заложить” Французскую республику труда не составит. Да, роли были другие. И все же оставались миниатюрами. Но вы представляете, каким бы он был в роли главной? Представляете этот каскад реприз, фейерверк импровизаций длиной в полтора часа? Я — да.

Ольга Шумяцкая

Ежемесячное
рекламное
обозрение

Выходит с 1965 года
Государственный
комитет СССР
по кинематографии
Всесоюзное
объединение
„Союзинформкино”

Редакторы:
Н. З. Басина,
Е. В. Уварова
(ответственные за выпуск),
И. В. Попова,
Н. В. Блинова
Художественный редактор
Ю. Л. Орешин
Технический редактор
Е. В. Курочкина
Корректор
М. Б. Данилина

Оформление художника
Н. Н. Смолякова

На 1-й стр. обложки: актриса
Дарья Михайлова
Фото В. Плотникова
На вкладке: актер Баадур
Цуладзе
Фото И. Гневашева
На 4-й стр. обложки: актер
Леонид Ярмольник
Фото И. Гневашева

Фотографии и адреса
артистов
редакция не высылает

Сдано в набор 11.05.90.
Подписано в печать 05.06.90.
Формат 60 x 90 1/8.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 3,0.
Усл. кр.-отт. 12.
Уч.-изд. л. 5,86.
Изд. № 163.
Тираж 800 000 экз.
Заказ 1016
Цена 45 коп.

ВО „Союзинформкино” Госкино
СССР. Адрес: 109017, г. Москва,
ул. Б. Ордынка, д. 43, тел.
233 20 90.

Ордена Трудового Красного
Знамени Чеховский
полиграфический комбинат
Государственного комитета
СССР по печати
142300, г. Чехов
Московской области

Индекс 70920 Цена 45 коп.

СПУТНИК
КИНО

ЗРИТЕЛЬЯ

СОЮЗИНФОРМКИНО

8/90

